

*О.Н. Ежов*

## **ПАРАДИГМА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ**

*Жизненный путь как важнейшая исследовательская парадигма утвердился в течение последних 40 лет. Ее характерные темы включают связь между человеческими жизнями и изменяющимся обществом, расписание жизни, связанные или взаимозависимые жизни и человеческую активность. Жизненный путь представляет собой главное изменение в нашем понимании и изучении жизни человека. Это изменение — часть общей концептуальной тенденции, которая сделала время, ситуацию и процесс наиболее заметными измерениями в социологической теории и анализе. В целом жизненный путь может быть рассмотрен как многоуровневый феномен, связующий структурирующие процессы через социальные институты и организации с социальными траекториями индивидов и процессами их развития.*

Исследования жизненного пути в последнюю четверть прошлого века широко распространились в зарубежной социологии. Вместе с этим пришло понимание жизни как единого процесса, объединяющего личность и ее социальную траекторию в меняющемся обществе. Кроме того, были глубже осознаны сущность взаимосвязей жизни человека и поколения, и роль личности, самостоятельно принимающей решения и формирующей собственную жизнь. В результате этого понятие жизненного пути получило в социологии официальное признание и нормативное определение (Elder 1992: 1120–1130).

Однако в отечественных социологических словарях мы не сможем обнаружить статьи «Жизненный путь». Нельзя сказать, что в нашей науке не было социологических работ по данной теме (назовем лишь некоторых авторов: А.А. Матуленис, Н.Ф. Наумова, Ю.М. Резник, М.Н. Руткевич, Э.А. Саар, М.Х. Титма, Г.А. Чередниченко, В.Н. Шубкин), но, по нашему мнению, они не представляли жизненный путь как самостоятельную парадигму социологии. Между тем в западной социологии уже можно говорить о сложившейся парадигме жизненного пути. Поэтому, как кажется, для отечественной социологии жизненный путь должен представлять интерес — как понятие, теоретическое направление и область исследования.

Проблематика жизненного пути является результатом изменения в понимании и изучении человеческой жизни. Это изменение — часть общей концептуальной тенденции, которая сделала время, ситуацию и процесс наиболее заметными измерениями в социологической теории. Данная тенденция имеет различные направления, включая макромир возрастной

стратификации (Elder 1975: 165–190; Riley M.W., Johnson, Foner 1972), культуру и межпоколенческие модели (Kertzer, Keith 1984), анализ воздействия социальных сил, которые формируют жизненный путь (Elder 1979: 117–59). Последняя область исследований тесно соприкасается с психологией развития жизненных фаз (Baltes 1987: 611–26). В теоретическом плане эти проблемы связаны, прежде всего, с важностью влияния изменяющихся обществ на развивающиеся человеческие жизни.

В общем представлении жизненный путь обычно соотносится с переплетением возрастно-градуированных траекторий, таких, как карьера и семейная жизнь, подчиненных изменяющимся условиям и мнениям о будущем, а также с короткими периодами жизненных переходов, начиная от поступления в школу и кончая выходом на пенсию (Elder 1985: 23–49).

В отличие от единичных карьер, так широко исследовавшихся в прошлом, жизненный путь позволяет изучать развитие множества взаимосвязанных траекторий, что составляет очень популярную тему для исследований (Eckenrode, Gore 1990; Moen, Dempster-McClain, Williams 1992: 1612–38). В качестве примера рассмотрим связь между браком и материнством. Несчастный брак снижает качество материнства у женщин, а новые обязанности родителей, связанные с появлением детей, могут уменьшить взаимность в самом браке (Cowan C., Cowan P. 1992).

При анализе жизненного пути в целом последствия сензитивности в ранние переходные периоды обнаруживаются в более позднем опыте и событиях. Выбор, сделанный в раннем возрасте, оказывает влияние в поздние годы старости (Clausen 1993), начиная от адекватности экономических ресурсов и кончая навыками приспособления и активности. Взрослые годы человека также невозможно глубоко понять без знания его предшествующего жизненного пути: ролевые истории тесно связаны с состоянием здоровья и приспособительными реакциями в течение предыдущей жизни. Здесь теоретически информативными становятся панельные исследования (Caspi, Bem 1990: 549–75), усиливающие доказательность механизмов взаимного влияния между социальной траекторией и процессами развития.

Таким образом, жизненный путь может рассматриваться как многоуровневый феномен, прослеживаемый от уровня структурных процессов через социальные институты и организации до уровня социальных траекторий индивидов и процессов их развития. Хотя теории в социологии, как правило, работают на том или ином уровне, большинство исследований жизненного пути пересекают эти уровни, как и связи между историческими изменениями и жизненным опытом (Elder 1974).

В историческом плане изучение жизненного пути связано с давней традицией биографического подхода в социальных науках, но как парадигма это направление исследований оформилось в процессе отказа от концепции социализации, которая доминировала до 60-х гг. прошлого века. Социальные и демографические изменения после Второй мировой войны сфокусировали внимание зарубежных социологов на возросшем влиянии ровесников и внушающем беспокойство снижении эффективности социализации в семье. К концу 1950-х гг. Ю. Бронфенбреннер (Bronfenbrenner 1961: 239–271) и Дж. Коулмен (Coleman 1961) вскрыли связь влияния родителей и сверстников. Это исследование продолжалось в 1960-е гг., вместе с изучением политической, девиантной и возрастной социализации (Brim 1966). Несмотря на все достижения, концепция социализации все меньше стала применяться во всех областях, включая те, которые поощряют политики (Sears 1990: 69–97). В эти годы концепция жизненного пути получила толчок к развитию, и хотя некоторое внимание социализации все же уделялось, рост применения в исследованиях концепции жизненного пути достигался за счет падения популярности парадигмы социализации.

Данный процесс имеет множество объяснений, но для нас интересно одно из них: эта категориальная структура стала все меньше подходить для объяснения вопросов, которые касаются неразрывной связи жизненного цикла и изменений. Например, не все трудные дети становятся такими же трудными взрослыми (Robins 1966), но этот парадокс не удавалось адекватно объяснить с помощью бихейвиористской теории научения, которая являлась составной частью концепции социализации.

Обсуждение различий между людьми стало в 1960-е гг. широким полем для исследований, начиная с подростков и заканчивая взрослыми людьми. Как результат, теория социализации стала более завершенной, стала уделять больше внимания человеческой личности, но все же она не смогла дать приемлемых ответов на вопросы такого характера. Было необходимо обратить больше внимания на возрастные фазы, критические периоды и социальный контроль (Sampson, Laub 1993), вместе с тем признавая роль подражания навыкам и личностной активности в выборе окружения. Эти ограничения, вместе с другими факторами, заставили социологов в 1970-е гг. отдать предпочтение концепции жизненного пути перед социализацией. Многие ведущие исследователи в области социализации, включая Джона Клаузена, Орвилла Брима и Алана Киркхоффа, стали изучать жизненный путь. В этом отношении показательна эволюция научных интересов Орвилла Брима. В конце 1950-х он исследовал социализацию ребенка, особенно роль семьи в этом процессе (Brim 1957: 343–63). В 1960-е – наблюдал процессы развития в зрелом возрасте. Он открыл в этой сфере новое поле для исследований, обратившись к забытой в те годы теории возрастной социализации (Brim, Wheeler 1966). В процессе работы Брим обнаружил, что социализация не способна осветить многие фундаментальные аспекты развития в зрелом возрасте, например, ответить на вопрос, чем управляется жизнь и карьера. Это привело Брима к изучению периода зрелого возраста, и он сосредоточился на жизненном пути, а не на социализации. В 1980 г. вместе с Джеромом Каганом он рассмотрел вопросы непрерывности и изменений в процессе развития человека (Brim, Kagen 1980). Очевидность существенного изменения поведения в период между ранним детством и старостью вызвала сомнения в стратегической ценности исследования ранней социализации.

Еще одно исследование демонстрирует нам переход от концепции социализации к парадигме жизненного пути. Речь идет о работе Глена Элдера «Дети Великой Депрессии», которая начиналась как традиционное изучение влияния социальной структуры на личность (Elder 1973). Модели семейной социализации, включающие такие переменные, как родительский авторитет, аффекты и пример, обнаруживали множество разноуровневых зависимостей. Однако в процессе обработки данных выявилась потребность в использовании новых переменных для представления человеческой жизни в историческом контексте. Понятия социальных изменений, человеческой жизни и возрастных фаз сфокусировали внимание на изучении жизни людей в быстро меняющемся мире. Семья и ее адаптация стали связующим звеном между экономическим спадом и развитием американских подростков в 1930-е гг. Проверяя аналитические модели семейной адаптации в ситуациях, различающихся по времени и месту, Элдер получил возможность выстроить общую теорию, которая связывала жизни людей и меняющийся мир.

Модель из работы «Дети Великой Депрессии» (Elder 1974) выделила три типа связей между тяжелым положением семей и опытом детей: ведение домашнего хозяйства, отношения в семье и напряжение. Известно, что сильное снижение дохода заставляет домашние хозяйства работать более интенсивно, включая более продуктивные роли детей и большую нагрузку на мать. Семейные лишения изменяют взаимоотношения внутри семьи: возрастает авторитет матери, что обостряет проблему лидерства. Наконец, потеря дохода увеличивает риск семейных разногласий, распада и деморализации. Опытные данные Оклендского исследования полностью подтвердили эти взаимосвязанные процессы внутри

семьи как зависимости. Кроме того, были получены аналогичные результаты в ходе анализа детей более поздней когорты, участников исследования в Беркли (Elder 1979: 117–59).

Другой вопрос касался способов понимания жизни членами семьи. В литературе были представлены понятия отдельных индивидуальных карьер, истории жизни, жизненного планирования и организации жизни. Кризис во времена Великой Депрессии, однако, требовал анализа связи между траекториями — между семьей и работой, например, и здесь пригодилось понятие о *сцепленных жизненных циклах* (Wilensky 1961: 836–45).

Также необходимо было знать возраст родителей и детей в момент наступления тяжелых времен. Здесь была использована работа Нормана Райдера (Ryder 1965: 843–61), посвященная когортам, в которой показано, что смысл и значение социальных изменений зависит от возрастного статуса. В результате фиксации жизненных достижений, согласно возрасту и последовательности событий и переходов, теоретический смысл приобрели социальное значение возраста и значение возраста развития. Включение возрастных отличий позволило соединить две исследовательские традиции — поколенческую и возрастную. Таким образом, Элдер, отказавшись от концепции социализации, соединил исследования социальных изменений во время Депрессии и изучение человеческих жизней и развития.

Изучение модели и содержания жизненного пути в меняющихся обществах — наиболее популярный предмет новых исследований человеческой жизни. Связь между жизнью и временем представляет собой определяющую особенность парадигмы жизненного пути, начиная с Чикагской школы социологии. Однако концептуальная логика, связывающая жизни людей со временем, не была развита вплоть до 1960-х гг., времени, которое интеллектуально и социально дистанцировалось от предшествующей социологической парадигмы, включив в себя проблемы возрастных и социальных конфликтов и социальных изменений. С этого времени, когда по-новому были осознаны причины социальных изменений, началось изучение карьеры (Thernstrom 1964) и семейной жизни с исторической точки зрения (Hareven 1982), исследование модернизации и современной личности (Inkeles, Smith 1974), изучение американцев, выросших в период Великой Депрессии и Второй мировой войны (Elder 1974; Elder 1979: 117–59). Социология стала уделять внимание выражению социальных изменений в человеческой жизни.

Процессы, приведшие к появлению парадигмы жизненного пути, нашли свое отражение и на уровне общесоциологического знания. Так, современная социологическая теория зафиксировала тот факт, что время является «имплицитным в каждом аспекте наших жизней», и это требует «централизации времени как субъективной материи социальных наук» (Adam 1990: 9). Следствием данного подхода выступает трансформация понимания статуса основного объекта социологического анализа, которое теперь исходит из процессуальной точки зрения: «общество — трансвременной феномен. Оно не образуется бытием в данный момент. Оно существует только благодаря времени. Оно складывается посредством времени» (Inkeles, Smith 1974: 327). Хотя выражение «социальные процессы протекают во времени» по-прежнему лингвистически «разделяют» время и социальную жизнь, теоретическое осмысление последней заставляет нас рассматривать темпоральность в качестве главной составляющей предмета социологии. «Время, как и пространство, является универсальным контекстом социальной жизни» (Штомпка 1996: 67). Это обстоятельство ставит перед социальной теорией определенные задачи, связанные с включением в ее концептуальный аппарат категорий социального пространства и времени.

Данный императив общесоциологической теории в полной мере реализуется в парадигме жизненного пути. Концепция жизненного пути предполагает понимание времени как социальной категории. В быстро изменяющемся обществе даже различия во времени рождения индивидуализируют отличия исторических миров с их ограничениями и возможностями для человека, живущего в них. Влияние истории на жизненный путь

принимает форму когорты, когда социальное изменение делает различными жизненные модели следующих друг за другом когорт. История также может оказывать влияние на определенный период времени, когда эффект социальных изменений сравнительно одинаков для последовательности когорт. Год рождения и отнесенность к когорте, однако, могут использоваться только для опосредованного представления исторических изменений (Elder, Caspi 1990).

Как правило, любые изменения в жизни человека будут зависеть от того, что люди вносят в сам процесс изменений, так же, как и от самой природы и характера этих изменений. Данное положение предполагает макро- и микросоциологический контекст анализа. Первый связан с изучением взаимовлияния истории, общества и личности. Здесь следует отметить, что больше внимания уделяется исследованию влияния социальных изменений на личность. Так, среди наиболее значимых социальных изменений для американских детей в XX в., к примеру, отмечают долгосрочное растущее влияние средств массовой информации и общедоступного образования и краткосрочные колебания в экономике (Elder, Model, Parke 1993). Меньше известно о воздействии личности и жизненных моделей на социальные структуры (Turner 1988: 1–10).

Кроме макросоциологического анализа взаимодействия истории, социальных структур и личности активно развивается микросоциологическое направление исследований роли человеческой активности в процессе жизни. Внутри конструируемого ими мира люди планируют и совершают определенный выбор среди возможных выборов, которые формируют их жизненный путь (Clausen 1993). Процессы выбора стали приобретать все большее значение в понимании развития жизненного пути и старения (Elder, O’Rand 1993). Индивидуальные различия есть ясно выделенный предмет в этих исследованиях (Bandura 1986), в частности, когда они взаимодействуют с изменяющимися условиями, продуцирующими поведенческие результаты (Plomin, Dunn 1991). В данной парадигме значительное место отводится изучению времени жизни, выраженное в социальных значениях возраста, который является временной, возрастно-градуированной перспективой социальных ролей и событий. Развитие данного направления исследований в значительной степени зависит от совершенствования процедуры измерения возраста.

Известно, что хронологический возраст сам по себе является «пустой» переменной — мы вряд ли можем заявлять, что именно он определяет поведение человека. По мере того, как люди становятся старше и различия между людьми одного возраста множатся, хронологический возраст теряет свою значимость как простой и главный показатель времени (Dannefer 1987: 211–236). Вместо него предлагается ввести новые, специфичные параметры измерения возраста, которые будут более точными по отношению к различиям между людьми (Schroots, Birren 1988: 1–29). Чаще всего выделяют три отдельных типа возраста: (1) биологический возраст; (2) социальный возраст; (3) психологический возраст (Birren, Cunningham 1985: 8). Предшествовавшие идеи относительно жизненного цикла, жизненного периода или течения жизни были основаны на холистских концепциях человеческой жизни (O’Rand, Kreeger 1990: 241–262). Но поскольку анализ человеческих жизней стал более сложен, современные подходы стали все более и более фрагментированными. Основная задача теперь заключается в отходе от этой фрагментации и в движении к подлинно интегративному изучению жизненного пути в социальных науках.

В данной связи хотелось бы обратить внимание на так называемый *жизненнособытийный подход* в западной социологии, который анализирует «расписание жизни» и соответствующие экспектации. Этот подход берет начало с работ Бернис Ньюгартен, в которых была поставлена задача выяснить социальные нормы и ожидания жизненных событий в соответствии с возрастом. В результате проведенных исследований оказалось, что «сеть возрастных ожиданий врезалась в культурное устройство взрослой жизни. Существует

то, что может быть названо предписанием наиболее важных событий жизни. Возрастные нормы и ожидания действуют как побудители и тормоз для поведения. Мужчины и женщины осведомлены не только о социальных часах, которые управляют их жизнями, но и о своем собственном временном расписании» (Neugarten, Moore, Lowe 1965 22–23). Расписание событий и ролей жизненного пути многое говорит о соответствии между этапами жизни и карьеры. Согласно принципу жизненного этапа, значимость воздействия на личность изменения зависит от того, на каком этапе жизни находятся люди во время этого изменения.

Анализ процесса взаимодействия социальных изменений и жизненного пути может осуществляться не только на уровне взаимовлияния времени и личности, но и на уровне структуры взаимосвязанных жизней, опосредующей отношения истории, социальной структуры и хода человеческой жизни. Нет более важного принципа в изучении жизненного пути, чем принцип *взаимозависимых жизней*. Человеческие жизни обычно включены в социальные связи с родственниками, друзьями и коллегами в течение всего жизненного цикла. Кроме того, каждое поколение в своих важных решениях и событиях связано с жизненными путями других поколений и во многом повторяет их жизненное расписание (Elder 1985: 40). Принцип взаимозависимых жизней отражает взаимодействие между социальными мирами отдельных людей в течение всей жизни. В значительной степени макроисторические события переживаются людьми через такие миры. Дети, выросшие в период Великой Депрессии, часто переживали тяжелые времена, в то время как дети периода II мировой Войны чаще имели опыт работающих, но отсутствующих родителей (Elder, O’Rand 1993). В этой связи рассмотрим продолжение исследовательской традиции, заложенной работой «Дети Великой Депрессии» (Elder 1974; Elder 1979: 117–59), в ряде исследований в сельской и городской местности в 1980-х и 1990-х гг. В Эймсе, штат Айова, было осуществлено панельное исследование 451 сельской семьи в период фермерского кризиса 1980-х гг. (Conger, Elder 1993; Elder, Conger, Foster, Ardel 1992: 5–37). По экономическим показателям этот кризис оказался самым суровым со времен Великой Депрессии.

Исследование обнаружило (Conger, Elder, Lorenz, Simons, Whitbeck 1992: 526–41), что реальные семейные трудности (измеренные в доходе на душу населения, степени нестабильности работы, величине потерянного дохода) увеличивают риск депрессий среди родителей. Депрессии увеличивают вероятность конфликтов в браке, вследствие чего возрастает риск разрушительного поведения родителей. Это поведение, в свою очередь, разрушает уверенность в себе, признание среди сверстников и учебу в школе у мальчиков. Аналогичный процесс наблюдался и у девочек (Conger R., Conger K., Elder, Lorenz, Simons, Whitbeck 1993: 206).

Таким образом, айовское исследование дало результаты, аналогичные результатам исследований в период Депрессии, за исключением данных по роли матери. В исследованиях в Айове эмоциональные проблемы матери представляют сильную связь между экономическим давлением и супружескими разногласиями. Роль матери в исследованиях Депрессии была менее значимой в отношении социальной и эмоциональной связи между тяжелыми временами и опытом развития, который приобретает ребенок. Возможные объяснения этому различию включают исторические изменения в социальной роли женщин, особенно на рабочем месте. Женщины в 1930-е гг. были намного меньше вовлечены в финансовое обеспечение и управление в семье по сравнению с женщинами Айовы в 1990-е гг.

Эти исследования семей, пострадавших от экономических кризисов в разное время и в разных местах, идентифицируют одновременно исторические изменения и жизненные сценарии. Другие исследования (Liem J., Liem G. 1990; McLeod, Shanahan 1993: 351–66) также обнаруживают сходство внутрисемейных процессов, опосредующих влияние

экономического спада на развитие и будущее детей. Это сходство относится и к продуктивной роли детей в сильно пострадавших семьях. Стоит отметить и различия, связанные с ролями матерей в ведении домашнего хозяйства.

Можно легко заметить, что подобного рода исследования взаимодействия времени и жизненного пути используют две перспективы: поколенческую и возрастную. Поэтому концептуальный синтез основополагающих понятий парадигмы жизненного пути осуществляется посредством слияния двух подходов — модели поколения и модели возраста. Модель поколения рассматривает индивидуальные жизни в терминах воспроизводства жизненного цикла в межпоколенческих процессах и социализации. К этой точке зрения близки исследования в рамках двух или трех поколений тенденций, направляющих эти процессы (Rossi A., Rossi P. 1990). Кроме того, межпоколенческий подход весьма популярен в изучении социального изменения. Возрастная модель появилась в 1960-х гг. в теории возрастной стратификации Матильды Рилей и ее единомышленников (Riley, Johnson, Foner 1972; Riley, Waring, Foner 1988: 243–290), которые проследили связь возрастных когорт с социальными структурами в течение всего жизненного цикла. В последующий период появилось множество исследований, сочетающих поколенческую и возрастную перспективы. Например, Л. Бартон и В. Бенгтсон (Burton, Bengtson 1985: 61–77) подтверждают ценность этой концептуальной интеграции, отмечая значение несоответствия между возрастом и поколенческим статусом среди чернокожих матерей подростков, родивших ребенка: большая часть матерей отказалась принять на себя заботу о ребенке, свойственную бабушкам. В этом отношении показательно также историческое изучение семьи и жизненного пути в общине текстильщиков Манчестера (Hareven 1982), сравнительное изучение жизненных переходов и их расписания (Model 1989; Hogan 1981), а также двухпоколенческое исследование возраста успеха женщин (Moen, Dempster-McClain, Williams 1992: 1612–38).

Концептуальный синтез модели поколения и модели возраста внутри парадигмы жизненного пути свидетельствует о достижении ею определенного этапа зрелости, когда отдельные направления исследования общего проблемного поля приобретают вид взаимосвязанной категориальной структуры. Этот процесс охватывает не только понятия поколения и возраста, но и другие основополагающие концепты. Таким образом, исследуя почти полувековую традицию изучения жизненного пути, можно отметить, что как понятие, теоретическое направление и метод анализа она эволюционировала от допарадигмального состояния к парадигмальному этапу своего развития. В данном случае парадигма выступает как характеристика нормативности методологии (Г. Бергман) или, если использовать классическое определение Т. Куна, как образец, признанное всеми научное достижение, которое в течение определенного времени дает модель постановки проблем и их решений научному сообществу (Кун 1975: 11). В социологии такой подход привел Дж. Тернера к выделению в качестве парадигм основных направлений социологической теории: функционализма, теории конфликта, интеракционизма, теории обмена и этнометодологии (Тернер 1985). Другой пример — подход Дж. Ритцера к социологической теории с точки зрения ее мультипарадигмальности, позволившей ему сформулировать комплексные парадигмы: «фактуалистскую» (структурный функционализм и теория конфликта), «дефиционистскую» (интеракционизм, феноменология и этнометодология) и парадигму социального бихевиоризма (теория обмена и бихевиоризм) (Ritzer 1975).

Можно заметить, что классификация парадигм зависит от уровня генерализации ее критериев, эксплицируемых из «дисциплинарной матрицы» (Т. Кун). Последняя содержит в себе метафизическую часть и собственно образцы решения исследовательских задач. С точки зрения модели постановки проблем и их решений, можно выделить четыре главных момента в парадигме жизненного пути: взаимосвязь жизни человека и исторического времени; временное расписание жизни; связанные жизни или взаимозависимые жизненные пути; роль

человека в совершении жизненного выбора. Растущее осознание того, что существует связь между жизнью человека и его историческим временем, подчеркнуло многоуровневость и динамические черты жизненного пути. Введение понятий временного расписания, взаимосвязанных жизненных траекторий и активной роли личности определило ключевые механизмы, посредством которых процессы и изменения окружающей среды влияют на жизненный путь и содержание жизни человека.

Если отталкиваться от уровня всеобщности, то в социологии, в конечном счете, доминируют две основные парадигмы — социологический реализм (исходное понятие — общество) и социологический номинализм (исходное понятие — личность) (Тощенко 2002: 11). В этом контексте парадигма жизненного пути представляет собой попытку преодоления указанных взаимоисключающих стратегий, что предопределено спецификой понимания в ее рамках объекта и предмета социологического анализа. Человеческая жизнь (объект) в процессе ее институционализации (предмет) выступает как жизненный путь, берущий свое начало от уровня процессов индивидуального развития и оканчивающийся на уровне общества и истории. Такое понимание требует темпорализации категорий социологии, т. к. для характеристики общественной жизни, по мнению Ж.Т. Тощенко, «существенным оказываются модусы времени — настоящее, представленное в ценности; будущее, выраженное в цели; и прошлое, связанное с категорией “значение”. Тем самым категории историзируются, лишаются своей вневременной формы и локализуются в конкретно-исторических формах жизни» (Тощенко 2002: 6).

По сути дела, в парадигме жизненного пути представлена системная и многоуровневая модель изучения человеческой жизни в контексте времени и пространства. Уже в базовой категории жизненного пути зафиксирована диалектическая взаимосвязь времени и пространства, т. к. «жизнь» представляет временное измерение, а «путь» — пространственное. История, время жизни и ее расписание выражают социальное время, а поколение, структуры взаимосвязанных жизней и типы возраста указывают на пространственные формы жизненного процесса.

Когда социология сосредотачивает внимание на ощущаемом и воспринимаемом времени и пространстве, это превращает ее в социологию жизни, «в рамках которой возможно преодоление противоречий между макро- и микросоциологией, объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом» (Тощенко 2002: 13). Хотя концепция жизненного пути функционирует как парадигма на уровне теорий среднего ранга, ее общеметодологическая перспектива находится в русле социологии жизни в силу общности объекта и предмета. В результате, как и в социологии жизни, в парадигме жизненного пути находят свое разрешение антиномии социологического знания. Так, изучение индивидуальных траекторий жизни связано с индуктивно-идиографическим подходом, а анализ структур, образованных взаимодействием жизненных путей, предполагает дедуктивно-номологические модели объяснения. Данные аналитические стратегии синтезируются в процессе исследования взаимовлияния и взаимопорождения жизненного пути и структур взаимосвязанных жизней, что снимает противоречие между объективистской/холистской и субъективистской/индивидуалистской методологией. Кроме того, происходит объединение макро- и микросоциологического контекста анализа жизни.

Отмеченное обстоятельство еще раз подчеркивает синтетический характер парадигмы жизненного пути, что позволяет ей развиваться в направлении от «теории среднего уровня» к «большой теории», способной интегрировать социологическое знание. Такая перспектива вполне соответствует потенциалу концепции жизненного пути, ибо в рамках социологии, как отмечает Ж.Т. Тощенко, выбор траектории своего будущего жизненного пути, а также определение механизмов, влияющих на этот процесс в течение жизни — одна из важнейших проблем (Тощенко 1999: 332). В данном контексте особого внимания заслуживает появление



в отечественной социологии нового направления — социологии жизни (Тощенко 2000), которая имеет много общего с теорией жизненного пути. В этой связи, как нам представляется, инкорпорация парадигмы жизненного пути в отечественную социологию может быть весьма плодотворной.

### **Литература**

- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
- Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985.
- Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии // СОЦИС. 2002. № 9.
- Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М.: Прометей, Юрайт, 1999.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // СОЦИС. 2000. № 2.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Adam B. Time and Social Theory. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Baltes P.B. Theoretical Propositions of Life-Span Developmental Psychology: On the Dynamics between Growth and Decline // Developmental Psychology. 1987. No 23.
- Bandura A. Social Foundation of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. N.Y.: Prentice-Hall, 1986.
- Birren J.E., Cunningham W.R. Research on the psychology of aging: Principles, concepts and theory // Handbook of aging and psychology / Ed. by J.E. Birren, K.W. Schaie. N.Y.: Van Nostrand Reinhold Company, Inc. 1985.
- Brim O.G. Jr., Wheeler S. Socialization after Childhood: Two Essays. New York: Wiley, 1966.
- Brim O.G. Jr. The Parent-Child Relation as a Social System: 1. Parent and Child Roles // Child Development. 1957. Vol. 28. No. 9.
- Brim O.G. Jr., Kagen J. (eds.) Constancy and Change in Human Development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- Bronfenbrenner U. Some Familial Antecedents of Responsibility and Leadership in Adolescents // Leadership and Interpersonal Behavior / Ed. by L. Petrullo, B.M. Bass. N.Y.: Holt, 1961.
- Burton L.M., Bengtson V.L. Black Grandmothers: Issues of Timing and Continuity of Roles // Grandparenthood / Ed. by V.L. Bengtson, J.F. Robertson. Beverly Hills: Sage, 1985.
- Caspi A., Bem D.J. Personality Continuity and Change across the Life Course // Handbook of Personality / Ed. by L.A. Pervin. N.Y.: Guilford, 1990.
- Clausen J.A. American Lives. N.Y.: Free Press, 1993.
- Coleman J. The Adolescent Society. N.Y.: Free Press, 1961.
- Conger R.D., Elder G.H. Jr., Lorenz F.O., Simons R.L., Whitbeck L.B. A Family Process Model of Economic Hardship and Adjustment of Early Adolescent Boys // Child Development. 1992. Vol. 63.
- Conger R.D., Conger K.J., Elder G.H. Jr., Lorenz F.O., Simons R.L., Whitbeck L.B. Family Economic Stress and Adjustment of Early Adolescent Girls // Developmental Psychology. 1993. Vol. 29. No. 2.
- Conger R.D., Elder G.H. Jr. Families in Troubled Times: Adapting to Change in Rural America. Chicago: Aldine, 1993.
- Cowan C.P., Cowan P.G. When Partners Become Parents: The Big Life Change for Couples. N.Y.: Basic Books, 1992.
- Dannefer D. Aging as Intracohort Differentiation: Accentuation, the Matthew effect, and the Life Course // Sociological Forum. 1987. Vol. 2. No 2.
- Eckenrode J., Gore S. (eds.) Stress between Work and Family. N.Y.: Plenum, 1990.
- Elder G.H. Jr. Linking Social Structure and Personality. Beverly Hills: Sage, 1973.

- Elder G.H. Jr. *Children of the Great Depression: Social Change in Life Experiences*. Chicago: University of Chicago Press, 1974.
- Elder G.H. Jr. *Age Differentiation and the Life Course // Annual Review of Sociology*. 1975. Vol. 1.
- Elder G.H. Jr. *Historical Change in Life Patterns and Personality // Life-Span Development and Behavior / Ed. by P. Baltes, O. Brim Jr.* N.Y.: Academic Press, 1979.
- Elder G.H. Jr. *Perspectives on the Life Course // Life Course Dynamics / Ed. by G.H. Elder Jr.* Ithaca: Cornell University Press, 1985.
- Elder G.H. Jr. *Life Course // Encyclopedia of Sociology / Ed. by E. Borgatta, M. Borgatta*. N.Y.: Macmillan, 1992.
- Elder G.H. Jr., Caspi A. *Studying Lives in a Changing Society: Sociological and Personal Explorations // Studying Persons and Lives / Ed. by A.I. Rabin, R.A. Zucker, S. Frank*. N.Y.: Springer, 1990.
- Elder G.H. Jr., Conger R.D., Foster M., Ardel M. *Families under Economic Pressure // Journal of Family Issues*. 1992. Vol. 31. No 1.
- Elder G.H. Jr., Model J., Parke R. (eds.) *Children in Time and Place: Developmental and Historical Insights*. N.Y.: Cambridge University Press, 1993.
- Elder G.H. Jr., O'Rand A. *Adult Lives in a Changing Society // Sociological Perspectives on Social Psychology / Ed. by J.S. House, K. Cook, G. Fine*. N.Y.: Allyn & Bacon, 1993.
- Hareven T.K. *Family Time and Industrial Time*. N.Y.: Cambridge University Press, 1982.
- Hogan D.P. *Transitions and Social Change: The Early Lives of American Man*. N.Y.: Academic Press, 1981.
- Inkeles A., Smith J. *Becoming Modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974.
- Kertzer D.I., Keith J. (eds.) *Age and Anthropological Theory*. Ithaca: Cornell University Press, 1984.
- Liem J.H., Liem G.R. *Understanding the Individual and Family Effects of Unemployment // Stress between Work and Family / Ed. by J. Eckenrode, S. Gore*. N.Y.: Plenum, 1990.
- McLeod J.D., Shanahan M.J. *Poverty, Parenting and Children's Mental Health // American Sociological Review*. 1993. Vol. 58. No 3.
- Model J. *Into One's Own: From Youth to Adulthood in United States 1920–1975*. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Moen P., Dempster-McClain D., Williams R.M. Jr. *Successful Aging: A Life-Course Perspective on Women's Multiple Roles and Health // American Journal of Sociology*. 1992. Vol. 97. No 6.
- Neugarten B.N., Moore J.W., Lowe J.C. *Age norms, age constraints and adult socialization // American Journal of Sociology*. 1965. Vol. 70. No 6.
- O'Rand M., Kreckler L. *Concepts of the life cycle: Their history, meanings and issues in the social sciences // Annual Review of Sociology*. 1990. Vol. 16.
- Plomin R., Dunn J. *Separate Lives*. N.Y.: Basic Books, 1991.
- Riley M.W., Johnson M.E., Foner A. (eds.) *Aging and Society: A Sociology of Age Stratification*. Vol. 3. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1972.
- Riley M.W., Waring J., Foner A. *The Sociology of Age // The Handbook of Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Burt*. Newbury Park, CA: Sage, 1988.
- Ritzer G. *Sociology: a multiple paradigm science*. Boston: Houghton Mifflin, 1975.
- Robins L. *Deviant Children Grown Up*. Baltimore: Williams and Wilkins, 1966.
- Rossi A.S., Rossi P.H. *Of Human Bonding*. N.Y.: Aldine, 1990.
- Ryder N.B. *The Cohort as a Concept in the Study of Social Change // American Sociological Review*. 1965. Vol. 30. No 6.
- Sampson R.J., Laub J.H. *Crime in the Making: Pathways and Turning Points through Life*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

Sears D.O. Whither Political Socialization Research? The Question of Persistence // Political Socialization, Citizenship Education, and Democracy / Ed. by O. Ichilov. N.Y.: Teachers College Press, 1990.

Schroots J.E., Birren J.E. The nature of time: implications for research on aging // Contemporary Gerontology. 1988. Vol. 2.

Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

Thernstrom S. Poverty and Progress: Social Mobility in a Nineteenth Century City. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1964.

Turner R.H. Personality in Society: Social Psychology's Contribution to Sociology // Social Psychology Quarterly. 1988. Vol. 51. No 1.

Wilensky H.L. Orderly Careers and Social Participation: the Impact of Work History on Social Integration in the Middle Mass // American Sociological Review. 1961. Vol. 24. No 4.